

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ
История международных отношений и внешней политики
HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY
History of International Relations and Foreign Policy

Научная статья

УДК 930.85

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-160-173](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-160-173)

Исторические науки

Постсоветский цивилизационный транзит в Центральной Азии

Рахимбек Сархадбекович Бобохонов ✉

Центр цивилизационных и региональных исследований Института
Африки РАН, Москва, Россия

rahimbobokhonov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0841-1707>

Аннотация. Сложный и напряженный характер отношения между политикой и историей приобретают в бывших советских республиках Центральной Азии. История стран и народов региона становится предметом острой идейной борьбы, в ходе которой отвергается частично, а иногда и полностью, советская историография, создаются новые идеологические мифы, не имеющие реальной исторической основы, переосмысливается не только историография, но и ее контекст – историческая память, историческая культура новых государств Центральной Азии. С одной стороны, правящие элиты стремятся поставить под жесткий государственный контроль историческую память центральноазиатских народов, утверждая идеологию государственного национализма и относя к ней не только политические доктрины, но и традиции, религию, философию, социальные и гуманитарные науки. Отторжение общества от политики культурной памяти характерно для Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана. С другой стороны, историческая память становится идеологическим инструментом внутриэлитной политической борьбы и сферой широкого общественного участия (Казахстан, Киргизия). В этом заключается суть постсоветского цивилизационного транзита в Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, цивилизационный транзит, советская цивилизация, советский народ, культурно-историческая общность, советское наследие, советская промышленность, советское сельское хозяйство, советская наука, советское образование, советские инфраструктурные проекты, направление транзита

Для цитирования: Бобохонов Р.С. Постсоветский цивилизационный транзит в Центральной Азии // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 160-173, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-160-173](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-160-173)

Original Article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-160-173](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-160-173)

Sociological Sciences

Post-Soviet Civilizational Transit in Central Asia

Rakhimbek Sarhadbekovich Bobokhonov ✉

Center for Civilizational and Regional Studies of the Institute of Africa of the
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

rahimbobokhonov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0841-1707>

Abstract. The relationship between politics and history is becoming complex and tense in the former Soviet republics of Central Asia. The history of the countries and peoples of the region becomes the subject of an intense ideological struggle, during which Soviet historiography is partially, and sometimes completely, rejected, and new ideological myths are created that have no real historical basis. Not only historiography is being rethought, but also its context – historical memory, the historical culture of the new states of Central Asia. On the one hand, the ruling elites seek to place the historical memory of the Central Asian peoples under strict state control, affirming the ideology of state nationalism and referring to it not only political doctrines, but also traditions, religion, philosophy, social and human sciences. The rejection of society from cultural memory is typical for Uzbekistan, Tajikistan and Turkmenistan. On the other hand, historical memory becomes an ideological tool of intra-elite political struggle and society (Kazakhstan, Kyrgyzstan). This is the essence of the post-Soviet civilizational transit in Central Asia.

Keywords: Central Asia, civilizational transit, Soviet civilization, Soviet people, cultural and historical community, Soviet heritage, Soviet industry, Soviet agriculture, Soviet science, Soviet education, Soviet infrastructure projects, transit direction

For citation: Bobokhonov R.S. Post-Soviet Civilizational Transit in Central Asia. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024, 2(12): 160-173, [doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-160-173](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-160-173)

Введение

Понятие цивилизационного транзита представляет собой сложную констелляцию смыслов и значений динамики цивилизаций, обусловленную переходностью самих моделей исторического познания и связанных с ними концептов / теорий цивилизаций. Цивилизационный транзит – это длительный переходный этап цивилизационного развития, возникающий в условиях разлада и распада общества или мирового сообщества, отсутствия высшего формообразующего и направляющего

начала его единства, проходящий через выбор новых высших параметров (высшего порядка) бытия и нового пути в будущее и получающий завершение в результате институционального и нормативно-ценностного оформления этих параметров в качестве особого механизма общественной интеграции.

В данной статье рассматривается ряд аспектов цивилизационного транзита в контексте стран Центральной Азии.

Материалы и методы исследования

Распад Советского Союза актуализировал давнюю историческую проблему интеграции и стабилизации обществ на огромном геокультурном пространстве Евразии, идейного и институционального обеспечения решения этой задачи. Политические и культурные элиты новых государств уже не могут всецело опираться на культурно-историческое наследие СССР, советские исторические нарративы, служившие основой советской идентичности. Важным идейным и в своей основе проблемным фактором реконструкции национально-политических и культурно-цивилизационных форм идентичности становится историческая политика – целенаправленная деятельность национальных политических элит, управляемых ими политико-административных структур и сотрудничающих с государством общественных организаций по формированию и сохранению определенных представлений о прошлом внутри страны и на внешнеполитической арене [4].

На новом – кризисном – этапе развития национальной государственности идейно-контекстуальный поворот в исследованиях истории Центральной Азии выходит за дисциплинарные рамки историографии и методологии исторической науки. Вопросы формирования в регионе полноценных современных национальных государств уже невозможно ставить и решать, не принимая во внимание переплетение в новой и новейшей истории региона старого и нового, традиций и новаций. А это переносит собственно науковедческие, концептуально-теоретические взгляды на историю региона в область исторического сознания – деятельного идейно-ценностного воспроизведения исторической действительности в различных ментальных, культурных и историософских образцах, моделях истории. При том незавершенном, неустойчивом, кризисном состоянии, в каком сегодня находятся процессы национально-государственного строительства в постсоветских странах Центральной Азии, первостепенное научно-познавательное значение приобретает вопрос об отношениях, динамике развития и взаимной адаптации двух мировоззрений, историософских парадигм, идеологических доктрин исторического сознания. С одной стороны, ориентация на внедрение и устойчивое развитие современных инноваций в политике, экономике и культуре (доктрина, парадигма модерности), с другой – приверженность сохранению и воспроизводству традиции, сбережению старых культурных форм и ценностей, возвращению к законам ислама (доктрина, парадигма традиционализма).

В познавательном контексте обе модели исторического сознания тяготеют к универсалистскому видению и пониманию истории, являются мировоззренческими версиями универсальной истории, что связывает их с различными предметными полями всеобщей истории: от истории общественной мысли до истории культуры и образования, религии и церкви. Научной основой взглядов на соотношение взглядов и идей традиционализма и модернизма выступает поливариантность процессов исторического развития регионов, стран, народов мира при освещении реалий этого развития в конкретно-исторических, компаративистских, междисциплинарных и теоретических аспектах. Научной проблематизации этих взглядов в контексте глобальной истории способствует уход исторической мысли от европоцентристских в своей основе однолинейных модернизационных теорий [10; 9, с. 269].

Исследования изменений обществ Центральной Азии в новое и новейшее время не могут оставлять без внимания присущие этим обществам и его разным группам представления о своем прошлом и настоящем. Весьма остро проблема идентификации явлений прошлого и настоящего в современной истории региона стояла и стоит в области научного дискурса: в каких понятиях описывать и характеризовать переходное состояние центральноазиатских обществ – традиционные / нетрадиционные, модернизированные / немодернизированные, советские / несветские, колонизированные / неколонизированные, как соотносить эти понятия с фактами и свидетельствами полевых исследований? [1, с. 4]

Особую и нарастающую напряженность исторической политике в регионе придают процессы легализации и возрождения ислама. После долгих лет советского заточения и репрессий ислам вышел на свободу и сразу же вступил в политическую борьбу. Наиболее активные представители этой религии начали создавать исламские политические партии и организации разного толка: от умеренного до радикального. Раньше всех ислам «вышел на свободу» в Таджикистане, затем в Узбекистане и Киргизии, далее – в Казахстане и Туркмении. Темпы политизации и радикализации ислама в Таджикистане были самыми высокими на территории постсоветской Центральной Азии и в дальнейшем привели таджикское общество к гражданской войне (1992–1997 гг.). Важно и то, что активизация исламского фундаментализма и радикализма в Центральной Азии происходит в тесной связи с утверждением и консервацией в исторической памяти образцов традиционного поведения и мышления. Дискурсы об истинной исторической «казахскости» или «узбекскости», «таджикскости» или «туркменскости» становятся важными инструментами управления общественным сознанием и поведением.

В условиях тесного переплетения истории и политики в процессах реконструкции культурно-исторической памяти, исторического наследия постсоветских государств Центральной Азии актуализируется вопрос о роли в воссоздании прошлого стран и народов региона исторической науки, ее отдельных отраслей и направлений как пространства профессионального, дисциплинарного знания. Уже с начала изучения истории региона – с момента присоединения в 1867 г. большей части Центральной Азии к России – региональные исторические исследования начали приобретать

черты комплексного междисциплинарного направления, соединяющего в себе такие элементы дисциплинарного знания, как историческая география, источниковедение, археология, этнология, история религии и т.д. Как отрасль научного знания, это направление строилось на огромном фактическом материале, сохраняющем до сих пор большую историческую ценность (работы выдающихся российских востоковедов В.В.Бартольда, Ю.Н.Рериха и др.). Вместе с тем до распада СССР история региона рассматривалась преимущественно в этнографическом ракурсе: сначала – воссоздание этнической карты Центральной Азии, потом – накопление сведений о материальной и духовной жизни проживающих там народов [3, с. 74]. При этом господствующим теоретическим ориентиром как для советских, так и для западных исследователей было модернистское убеждение в том, что этнополитическое пространство региона должно быть национальным, т.е. соответствовать границам расселения доминирующих этнических общностей – наций, поскольку только в рамках «национального государства возможно какое-то экономическое и социальное развитие»¹. Образование в конце XX – начале XXI в. на территории бывшей Советской Средней Азии суверенных национальных государств еще более укрепило это видение истории региона, правда, уже через призму взглядов, идей и ценностей светского национализма: национальное возрождение и единство нации как идеологический способ консолидации общества [6].

Результаты исследования

Еще более широкое и во многом переломное значение современный культурно-политический и идейно-мировоззренческий контекст изучения новой и новейшей истории постсоветской Центральной Азии приобрел с конца XX в., когда отчетливо обозначились вызовы и угрозы самому проекту национального возрождения бывших советских республик региона – сглаживание внутренних социокультурных и этнонациональных противоречий по модели модернистской, светской государственности. Нарастающая бедность больших масс населения, тенденции социально-экономической демодернизации, связанные с такими кризисными факторами, как дезурбанизация (снижение доли городского населения), деградация созданных в советское время современных систем технической инфраструктуры, социального обеспечения, образования и медицины, отъезд в Россию большого числа трудовых мигрантов, в том числе высококвалифицированных специалистов, образованной, светской интеллигенции, рост на этом фоне клановых структур власти и межклановых конфликтов, актуализировали проблематику кризисного состояния светской государственности в регионе и возможностей, перспектив ее преодоления [5; 2, с. 124-136]. Особенно остро и наглядно проблема кризиса светской национальной го-

1 Сергей Абашин о советской и постсоветской Центральной Азии // Интервью. URL: <https://www.caa-network.org/>.

сударственности, его факторов и перспектив проявилась в событиях гражданской войны в Таджикистане, в ходе которой политическое противостояние между группами бывшей советской элиты и новыми националистическими и радикальными исламскими группировками переросло в ожесточенное противостояние этнических кланов.

Советская предыстория цивилизационного транзита в Центральной Азии

В начале XX в. Центральная Азия представляла собой малоразвитый регион, основным занятием населения которого было сельское хозяйство на поливных землях и кочевое скотоводство. Поэтому главной задачей во вновь образованных советских республиках стало развитие сельского хозяйства, требовавшее увеличения посевных площадей путем строительства новых ирригационных сооружений. Одним из самых грандиозных проектов в этой сфере стал Большой Ферганский канал, построенный в 1939–1940 гг. методом «народной стройки» (хашар). Введение в строй канала помогло поднять урожайность в Узбекистане в 2,2 раза. В Кыргызстане за годы советской власти был построен крупный гидроузел на реке Нарын – Токтогульский, а на реке Чу создано Ортокойское водохранилище².

Еще один грандиозный сельскохозяйственный проект, реализованный при советской власти в Центральной Азии, – это освоение целинных и залежных земель Казахстана в 50-е гг. прошлого века. Тогда за два года посевная площадь была увеличена в три раза. На целине были построены новые города с соответствующей инфраструктурой. Одновременно с ирригацией решалась и задача создания транспортной инфраструктуры. Проекты строительства железной дороги, соединяющей земли Туркестана с Сибирью, разрабатывались еще в царской России. Строительство Турксиба (Туркестано-Сибирской железной дороги) началось в декабре 1926 г., а первый поезд прошел по нему 25 апреля 1930 г.³

На территории Центральной Азии были реализованы и другие дорожно-транспортные проекты, например, строительство высокогорного шоссе «Душанбе–Хорог–Ош». Была решена проблема доступа в высокогорные села, в которые до этого можно было добраться лишь горными тропами. Автомобильная дорога соединила тогдашнюю столицу Казахстана Алматы со столицей соседнего Узбекистана Ташкентом. Крупная автомагистраль «Бишкек (Фрунзе)–Ош» была построена и в Кыргызстане. И это не говоря уже о сети более мелких региональных дорог, аэропортах и речных портах.

Одной из ключевых задач времен СССР стала электрификация территории Центральной Азии. За годы советской власти в регионе были построены целые каска-

2 Советским хашаром: Кто и как строил Большой Ферганский канал // Азия плюс. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20230801/sovetskim-hasharom-kto-i-kak-stroil-bolshoi-ferganskii-kanal>.

3 Как СССР развивал Центральную Азию // Русская Евразия. URL: <https://rusevr.asia/kak-sssr-razvival-centralnuyu-aziyu/>.

ды гидроэлектростанций: Токтогульская и Курпсайская в Кыргызстане, Варзобская, Перепадная, Центральная, Головная ГЭС на реке Вразоб, Нурукская ГЭС на реке Вахш в Таджикистане, каскад электростанций на реке Чирик, Чарвакский гидроэнергетический узел в Узбекистане.

Власти СССР уделяли огромное внимание созданию промышленности. Отчасти это делалось из идеологических соображений, чтобы выращивать местный пролетариат, но тем не менее индустриальные основы нынешних стран Центральной Азии были заложены в советское время. Актюбинский, Карагандинский металлургические комбинаты, Балхашский, Чимкенсткий горнометаллургические комбинаты в Казахстане, узбекский металлургический комбинат в Бекабаде, крупнейший в СССР электроламповый завод в кыргызском Майли-Сайе, «Ташсельмаш», «Узбексельмаш», «Чириксельмаш», Ташкентский авиазавод и еще десятки промышленных предприятий были построены в регионе за годы советской власти⁴.

Следует отметить, что и транспортная инфраструктура, и электростанции, до сих пор снабжающие города и села, промышленные предприятия, оросительные каналы, остались в распоряжении уже вновь возникших республик после распада СССР. Казахстану, кроме всего прочего, могли достаться даже ядерные боеголовки, но он добровольно отказался от них в отличие от атомной промышленности, которая также была создана в этой республике в советский период. И до сих пор Казахстан продолжает добывать уран для электростанций и продавать его за рубеж. Таким образом, можно констатировать, что в эпоху развитого социализма нынешние страны Центральной Азии совершили большой рывок в своем развитии, обретая значимый промышленно-экономический потенциал.

Были и другие промышленные проекты, разработанные в советское время. Наглядным примером является Рогунская ГЭС в Таджикистане. Она проектировалась еще в 1976 г., но стала актуальной лишь в XXI в. Разработка золоторудного месторождения Кумтор в Киргизии также полностью спроектирована в советское время. Только его запуск осуществился после распада СССР.

Постсоветский цивилизационный транзит в Центральной Азии сопровождается борьбой за советское наследие в регионе. Наследие советской цивилизации, особенно в сфере системообразующей инфраструктуры, составляет фундамент экономики республик Центральной Азии в постсоветское время. Советское наследие – это инфраструктурные проекты, крупные индустриальные системы, языковое пространство, культурная общность, а также совокупность проблем, оставшихся со времен СССР, но во многом обострившихся из-за формирования новых государственных границ и различия экономических моделей развития уже независимых стран.

Коммунальная инфраструктура в современных условиях стремительно деградирует, что приводит к масштабным техногенным авариям. Не менее сложной остается ситуация в отношении ирригации. Постоянная борьба за доступ к воде давно

⁴ Обзор промышленности Узбекистана // MANUFACTURERS.RU. URL: <https://manufacturers.ru/article/obzor-promyshlennosti-uzbekistana>.

привлекает внимание мировой общественности. Зыбкий базис, доставшийся от прошлой эпохи, напоминает о необходимости реформ или амортизации. Только после того, как эта основа уйдет в прошлое, можно будет перестать говорить на политическом языке, унаследованном от Советского Союза. Не вызывает сомнений, что это время близко, но пока наследство все еще оказывает непосредственное влияние на многие связи внутри региона [8].

В постсоветское время активно формируется фундамент нового регионального порядка. Новые экономические сферы, например, информационные технологии или связь, существуют вне полученной от СССР инфраструктуры. Но попытки ее обновления предпринимаются и сегодня, в том числе при активном участии Всемирного банка.

Мегаиндустрия – это сеть советских промышленных предприятий, создававшихся или проектировавшихся усилиями целой страны с планами включения их в систему общесоюзных экономических связей. Многие из таких проектов сегодня стали памятниками ушедшей эпохи. Некоторые реализованы уже в рамках независимых государств, формируют значительную часть их ВВП, но несут в себе многочисленные социально-политические вызовы.

Планы на ренту с экспорта природных ресурсов как основы национального благосостояния являются общей чертой для экономик большинства государств Центральной Азии постсоветского периода. Хотя необходимость привлекать иностранных инвесторов вынуждает их искать баланс между ресурсным национализмом и интересами транснационального бизнеса. Этот парадокс и приводит к появлению проблем.

Примером может служить упоминавшееся выше золоторудное месторождение Кумтор в Киргизии. Оно было открыто в 1978 г., и только спустя десятилетие появилось обоснование целесообразности добычи здесь золота. Но разработка Кумтора началась уже в независимой Киргизии, при поддержке иностранных инвесторов. Несомненно, без их участия освоение в начале 1990-х гг. такого крупного высокогорного месторождения было бы невозможно. Тем не менее вопрос о национализации предприятия не терял актуальности и оставался в центре всеобщего внимания на протяжении почти всего постсоветского периода.

Месторождение Кумтор геополитически значимо и для Центральной Азии, и в более крупном масштабе. Речь не только о прямой связи объемов добычи и котировок золота на мировых биржах. Основным иностранным инвестором в Кумторе в течение многих лет была влиятельная в Азии корпорация «Centerra Gold» – в разное время она осуществляла проекты на огромном пространстве от Турции до Монголии. В Кумторе компания контролировала почти 70% прибыли, будучи одним из ключевых бенефициаров. Все изменилось в 2022 г., когда предприятия-разработчики полностью перешли в собственность Киргизии. «Centerra Gold» ушла, но это не значит, что иностранные инвесторы потеряны. Месторождение все еще перспективно, а стабильно растущий интерес КНР и РФ к экономике Киргизии в современных условиях выводит местные предприятия на совершенно новый уровень отношений [8].

Не менее показательной является ситуация в металлургической отрасли Узбекистана, претендующего на статус регионального лидера. Предприятия, основанные после Второй мировой войны, сейчас модернизированы и обеспечивают стране статус лидера. Только по объемам добычи золота Узбекистан занимает седьмое место в мире, а по урану – пятое. Месторождение урана в районе города Учкудук, разрабатываемое Навоийским комбинатом, тесно связано с рынками США, КНР, Индии и Франции. Государство на протяжении всего постсоветского периода неизменно обладает высокой долей собственности в добывающей отрасли (по сравнению с другими странами региона).

Вышеупомянутая Рогунская ГЭС в Таджикистане и освоение газовых месторождений в Туркмении иллюстрируют те же процессы. Да, строительство газопровода из Туркмении в КНР, который проходит через Узбекистан и Казахстан, – позитивный пример постсоветского сотрудничества. Но этот проект также уходит корнями в эпоху хозяйственных связей между среднеазиатскими республиками СССР.

Если быть объективным, период независимости стал и эпохой для множества индустриальных проектов, которые в силу ряда обстоятельств просто не могли быть реализованы в СССР. Уход от громоздкой системы советского планирования открыл независимым государствам новые возможности для развития индустриальных объектов другого типа – с участием иностранных инвесторов, но основанных опять-таки на советских геологических и технических разработках.

Таким образом, в период постсоветского цивилизационного транзита современная геэкономическая ситуация в Центральной Азии превратилась в сложный комплекс трех взаимосвязанных факторов: советского наследия, иностранных инвестиций и ресурсного национализма. Последний упомянутый фактор – не просто дань популизму, скорее он часть наследия советской эпохи с соответствующим представлением о справедливости распределения природных богатств. Борьба правительств государств Центральной Азии за национальный контроль над месторождениями природных ископаемых должна привести к консолидации усилий на уровне всего региона. Попытка выступать «единым фронтом» может обеспечить благоприятные экономические условия. Но с момента распада СССР эти страны постоянно сталкиваются, и в возникающие политические противоречия вмешиваются внешние акторы: Москва, Анкара, Тегеран, Пекин и Вашингтон.

К вопросу о ресурсном национализме

XXI в. характеризуется глобальным подъемом ресурсного национализма, республики Центральной Азии – не исключение. Но идея того, что монопольным бенефициаром всех природных богатств на территории одного государства может быть только народ этого государства, также имеет советские корни. Так называемая «природная рента», или выплаты всем гражданам государства из средств прибыли добывающего сектора, – несомненно, явление более современное. Что интересно, понятие ресурсного национализма берет начало в конституциях союзных республик СССР, в

которых был закреплен тезис о том, что природные богатства принадлежат государству. Статья 11 Конституции Киргизской ССР гласила: «В исключительной собственности государства находятся земля, ее недра, воды и леса» (при этом первая статья объявляет характер самого государства социалистическим и общенародным). Аналогичные формулировки можно встретить также в одиннадцати статьях конституций Узбекской ССР, Казахской ССР, Туркменской ССР, Таджикской ССР [8].

На современном этапе термин «национализированный» означает «переданный в государственную собственность». В статье 14 Конституции современной Туркмении отмечается: «Земля и недра, воды, растительный и животный мир, а также другие природные богатства являются общенациональным богатством Туркменистана, охраняются государством и подлежат рациональному использованию». Данная идея не исключает предоставления концессий иностранным инвесторам, однако право собственности остается за государством. Схожие положения можно найти почти во всех конституциях постсоветских государств Центральной Азии, все они, в сущности, отсылают к статье 11 основных законов союзных республик [7].

По сути, советское право и пропаганда заложили основы представлений о том, какое распределение природных недр является справедливым. Говоря о советском path dependence, мы прежде всего ориентируемся на этот опыт. Популистские риторики о национальном богатстве с отсылкой к опыту ближневосточных государств – не более чем рецепция советского права, переосмысленного на основе опыта арабских нефтедобывающих стран. В этом контексте формируется интересная взаимосвязь между национальной идентичностью и недрами земли, на которой эта нация существует. Эпитеты «народное богатство» и «основа будущего» – категории политического и исторического оптимизма, характерные для Центральной Азии, и они тесно связаны с риториками ресурсного национализма.

Ресурсный национализм является вполне измеряемым явлением. В частности, Verisk Maplecroft формирует рейтинги стран по риску развития ресурсного национализма. Казахстан и Таджикистан имеют в них традиционно низкий индекс. И это позволяет глобальным игрокам влиять на экономическую ситуацию, а с точки зрения соседних стран Центральной Азии – «вмешиваться во внутренние дела государства». Например, в 2022 г. Всемирный банк рекомендовал Таджикистану снизить государственные затраты на строительство Рогунской ГЭС и увеличить частное финансирование, мотивируя это накоплением государственного долга и опасностью проблем, связанных с его выплатами. Например, особенности приватизации нефтегазовой отрасли в Казахстане привели к тому, что правительство оказалось не в состоянии проводить последовательную политику, отстаивающую национальные интересы перед иностранными инвесторами, способствующую полной загрузке отечественных нефтеперерабатывающих заводов и обеспечивающую сбор налогов с нефтяных компаний в полном объеме [7].

Постсоветский цивилизационный транзит к новым экономическим реалиям опирался на вполне конкретную ресурсную базу и индустриальную основу. На первом этапе важно было переосмыслить этот багаж как не советский, а национальный,

однако делалось это с опорой на советский язык национальной политики. В результате к началу XXI в. стремительно распространяющийся ресурсный национализм получил гибридные черты, с одной стороны, периферийного капитализма, а с другой – совершенно советские установки о справедливом распределении социальных благ. Хотя нужно оговориться, что периферийный капитализм почти повсеместно сочетается с популярностью левых идей, которые в Центральной Азии имеют собственные традиции.

Именно поэтому мы говорим о ресурсном национализме в данном регионе как о некоем path dependence, берущем начало из позднесоветской эпохи. Кроме того, борьба за советское наследие идеологически связана с двумя полярными идеологическими установками. Одна из них (в Таджикистане) ориентирована на сотрудничество с глобальными финансовыми институтами в развитии мегаиндустриальных проектов советской эпохи. Другая идеология (в мягкой форме – в Киргизии) настаивает на исключительном праве народа страны на собственность или преференции с ресурсодобывающей промышленности.

Обсуждение результатов

Центральная Азия в современной риторике политических лидеров постепенно выходит из диапазона шаблонных оценок, привычных для постсоветского пространства. Но процесс этот достаточно длительный, и в его основе отнюдь не преодоление великодержавного мышления. Он находится в плоскости экономических связей, национальных интересов и транснациональных амбиций. Все переменные напрямую обусловлены тем, что мы называем борьбой за советское наследие: конкуренция за передел сфер влияния, за доступ к ресурсам, за возможности их экспорта в определенных направлениях и за сценарии политической интеграции. А еще – схватка за осмысление общего прошлого, которое активно используется как инструмент конкуренции за доступ все к тем же месторождениям природных ископаемых.

Выход из этой ситуации возможен при условии интеграции в рамках ЕАЭС или в формате ЕАЭС+. Это позволит странам Центральной Азии обрести устойчивую и сильную общерегиональную позицию, которая напрямую повлияет на отношения с иностранными инвесторами и координацию спроса и предложения на рынках. На осознание этой объективной необходимости требуется время. Сейчас лишь ресурсный национализм выступает как более или менее популярная программа противодействия хищнической эксплуатации месторождений ресурсов и инфраструктуры по их экспорту со стороны транснациональных компаний.

За годы самостоятельного существования республик Центральной Азии, вне зависимости от степени авторитарности или демократичности режимов, под влиянием богатых ресурсов, а также советского наследия сформировались политические институты, идеологемы и соответствующие подходы к управлению, которые проецируются в систему властных структур. Яркий пример – Киргизия, где открытая по-

литическая борьба партий отражается в политических программах и предвыборной риторике, а формирование правительств по партийному принципу, создание соответствующих парламентских фракций недвусмысленно показывают вес и значение тех или иных комитетов, министерств и ведомств.

Борьба за советское наследие продолжается, поскольку созданные в рамках советской цивилизации индустриальная база и инфраструктура еще долго будут вызывать интерес у мировых держав и транснациональных корпораций. Именно поэтому возникают отсылки и к общему прошлому, и к основной точке невозврата – к распаду СССР. Появление качественно новых отношений возможно в случае или окончательного перераспределения сфер влияния, или возникновения экономик совершенно иного типа, не основанных на экспорте природных ресурсов.

Выводы

Все вышесказанное не является проблемой исключительно центральноазиатских стран. Во многом это прямо влияет на саму рефлексию России как правопреемницы СССР и советского наследия в целом. Теоретически можно ставить вопрос не только об отношении к советскому наследию во внутрироссийском дискурсе, но и о проекции сегодняшней Российской Федерации на то же наследие уже в новых независимых государствах, бывших частью СССР. Это особенно важно в новой геополитической картине мира, активная фаза формирования которой началась в конце зимы 2022 года.

Золото, пресная вода, уран, газ, – все это востребовано настолько, что уровень конкуренции за них в перспективе будет только расти. Географическая близость крупных потребителей, Китая и Индии, также будет сказываться на характере соперничества. В сущности, борьба за советское наследие – противостояние за контуры новой геоэкономики Азии.

И последний, но не менее важный пример – проблема Аральского моря, доставшаяся Казахстану и Узбекистану по наследству от Советского Союза. По большому счету, это целый комплекс экологических и политических вопросов, требующих решения в долгосрочной перспективе. Многие из них оказывают непосредственное влияние на характер межгосударственных отношений: от того, как они будут решены (или не решены), зависит будущее не только отдельных стран, но и всего региона в целом.

Список источников

1. Абашин С.Н. Советский кишлак: между колониализмом и модернизацией [Soviet village: between colonialism and modernization]. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 848 с.
2. Афганистан и безопасность Центральной Азии [Afghanistan and the security of Central Asia]. Вып. 1 / Под ред. А.А.Князева. Бишкек: Илим, 2004. 639 с.
3. Бобохонов Р.С. Некоторые вопросы историографии Таджикистана нового и новейшего времени [Some issues of the historiography of Tajikistan in modern and contemporary times] // Политика и общество. 2012. № 6. С. 73–84.

4. Бушуев В.В. Историческая политика современных государств: проблема определения и методология исследования [Historical politics of modern states: the problem of definition and research methodology] // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 3. С. 285–302.
5. Казанцев А. Светская государственность перед вызовом радикального ислама [Secular statehood before the challenge of radical Islam] // Валдайские записки. 2016. № 2(42). С. 3–11.
6. Ларина Е.И. Национальное самосознание и традиционные социальные институты в Центральной Азии [National identity and traditional social institutions in Central Asia] // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2012. № 4. С. 66–67.
7. Мармونتова Т.В., Тажибаев А.Т., Шамсиева И.М., Махмутходжаева Л.С., Кожирова С.Б. Центральная Азия – Россия: возможности и ограничения при построении совместного будущего (опыт форсайт-анализа) [Central Asia – Russia: Opportunities and Limitations in Building a Joint Future (Foresight Analysis)] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 1(7). С. 66–77. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1\(7\)-66-77](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1(7)-66-77).
8. Михалёв А.В., Рахимов К.К. Центральная Азия и борьба за советское наследие [Central Asia and the Struggle for Soviet Legacy] // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 153–162. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-1-153-162.
9. Репина Л.П. Теоретические основания и перспективы региональной истории [Theoretical foundations and prospects of regional history] // Преподаватель. XXI век. 2013. № 3. С. 266–273.
10. Eisenstadt S.N. Multiply Modernity // Daedalus, Cambridge. 2000. Vol. 129. 1: 1–30.

Информация об авторе

БОБОХОНОВ Рахимбек Сархадбекович. Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. <https://orcid.org/0000-0002-0841-1707>. Адрес: 123001, Российская Федерация, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1. rahimbobokhonov@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 апреля 2024 г. Одобрена после рецензирования: 20 апреля 2024 г. Принята к публикации: 25 апреля 2024 г. Опубликована: 15 мая 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Abashin S.N. Soviet village: between colonialism and modernization. Moscow: New Literary Review, 2015:848.
2. Afghanistan and the security of Central Asia. Vol. 1 / Ed. A.A. Knyazeva. Bishkek: Ilim, 2004:639. [In Russian].
3. Bobokhonov R.S. Some issues of the historiography of Tajikistan in modern and contemporary times. Politika i obshchestvo / [Politics and Society]. 2012; 6:73-84 [In Russian].

4. Bushuev V.V. Historical politics of modern states: the problem of definition and research methodology. Social'no-gumanitarny'e znaniya [Social and humanitarian knowledge]. 2012; 3:285-302 [In Russian].
5. Kazantsev A. Secular statehood before the challenge of radical Islam. Valdajskie zapiski [Valdai Notes]. 2016; 2(42):3-11 [In Russian].
6. Larina E.I. National identity and traditional social institutions in Central Asia. Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. Ser. 8. History. 2012; 4:66-67 [In Russian].
7. Marmontova T.V., Tazhibaev A.T., Shamsieva I.M., Makhmutkhojaeva L.S., Kozhirova S.B. Central Asia – Russia: Opportunities and Limitations in Building a Joint Future (Foresight Analysis) // Russia & World: Scientific Dialogue. 2023;1(7):66-77 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1\(7\)-66-77](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1(7)-66-77).
8. Mikhalev, A.V., Rakhimov, K.K. Central Asia and the Struggle for Soviet Legacy. Russia in Global Affairs. 2023, 21(1):153-162. [In Russian]. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-1-153-162.
9. Repina L.P. Theoretical foundations and prospects of regional history. Prepodavatel' [Teacher]. XXI century. 2013; 3:266-273 [In Russian].
10. Eisenstadt S.N. Multiply Modernity. Daedalus, Cambridge. 2000; Vol.129. 1:1-30 [In English].

About the author

Rakhimbek S. BOBOKHONOV. CandSc (Hist.). Senior Researcher at the Center for Civilizational and Regional Studies of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0002-0841-1707>. Address: 30/1, Spiridonovka str., Moscow, 123001, Russian Federation. rahimbobokhonov@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: April 15, 2024. Approved after review: April 20, 2024. Accepted for publication: April 25, 2024 Published: May 15, 2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.